

Превратности daimon Эмпедокла: история недоразумений

Научный руководитель – Афонасина Анна Сергеевна

Магомедов Гамид Абдулганиевич

Студент (бакалавр)

Новосибирский государственный университет, Философский факультет, Новосибирск,
Россия

E-mail: vikont.feed@yandex.ru

Довольно распространённым является мнение о том, что Эмпедокл хотел дать обоснование различным катарсическим практикам и диетическим запретам через учение палингенеза о мифической истории об изгнанном демоне. Стихи т.н. демонологических фрагментов и, главным образом, 31 В 115 D-K могут быть основой вышеназванного учения Эмпедокла — через описание того, как демон, запятнанный кровавым преступлением, вынужден покинуть место изначального блаженства и поселиться на очень долгое время на земле, где он проходит некий цикл карающих/очищающих реинкарнаций в любых формах живых существ. В конце цикла палингенеза демон, вновь обретя состояние блаженства, навсегда покидает землю и возвращается к небесным богам. Такова же и самопровозглашённая судьба Эмпедокла, который вынужден долго пребывать на земле живых в состоянии, ради которого он страдает и в течение которого он уже прошёл ряд перевоплощений и, наконец, прибыл на высшую ступень реинкарнации, готовый снова разделить божественный пир с другими богами.

Фрагменты, посвящённые истории демона, могут иметь значение в смысле, что, подобно встрече Гесиода с Музами, которые даруют ему скипетр и дар песни, или путешествию Парменида через порог Дня и Ночи, чтобы достичь богини, ретроспективный рассказ о злоключениях, постигших бога Эмпедокла, призван подчеркнуть особенно разумный статус философа, который именно потому, что он бог, действительно обладает необыкновенной и истинной мудростью, и, следовательно, способен засвидетельствовать подлинность содержания своей философии.

Однако подобные наблюдения вызывают некоторые сомнения в связи с гипотезой о том, что группа фрагментов с историей об изгнанном демоне уже в намерениях Эмпедокла составляла основополагающий миф учения о метемпсихозе и связанных с ним жизненных практиках. Как я попытаюсь показать, для фрагмента 31 В 115 D-K можно определить происхождение в прочтении досократовской философии под сильным влиянием платоновской мысли, в частности, теории о странствиях человеческой души, которая также лежит в основе комментария Плутарха — самого древнего свидетеля «демонологических» стихов. Вводя стихи 31 В 115 D-K в отрывок *De exilio* и комментируя их, он интерпретирует изгнание божества, воплощённого в Эмпедокле, как судьбу, которая постигает каждого человека, именно постольку, поскольку таково место пребывания души, которая «упала» в то, что не соответствует её истинной природе. Таким образом, не только эмпедоклова, но и человеческая душа является «демонической» душой, и эти души — скитальцы и изгнанники, прижатые к телу, «как устрицы» [Plut. *De ex.* 17].

Спустя века мнение современников не сильно изменилось. Таковы, например, Роде [8] и Биньоне [1]. Но статья Вилаговица подтвердила, что у Эмпедокла нет места для *psyche* ни в аристотелевском смысле, ни в пифагорейском и показала, что *daimon*, по существу, синонимично *theos* [10].

С одной стороны, мы больше не говорим о «душе» и её цикле реинкарнаций у Эмпедокла, а с другой — проецируем все характеристики *psyche* на *daimon*, фактически сохраняя

основную экзегезу древних толкователей. Так делают, например, Доддс [3], Лонг [7], Детьен [2] и Гатри [4].

В различных рассуждениях о природе *daimon* в любом случае подразумевается, что этот термин используется для определения бессмертной сущности или, во всяком случае, такой, которая способна выживать и претерпевать разнообразные воплощения в течение длительного времени, являясь центром индивидуальности каждого существа и общим для всех живых существ. Это нечто, что, хотя и не называется больше *psyche*, по сути, является его точной копией. Эти понятия — *daimon* и *psyche* — по крайней мере, до Платона оставались, как я попытаюсь это уточнить, различными. Инвуд говорит о том, что трудно не связать демона с тем, что Платон и другие называли «душой» [5]. Трепанье утверждает, что концепция демона у Эмпедокла предвосхищает платоновский образ души [9].

По интерпретации Кереньи, реинкарнация бога Эмпедокла имеет такой же смысл, какой имеет реинкарнация Пифагора в Аполлона, и, следовательно, обретает значение выделения разумной и моральной элиты, в противоположность массе глупцов [6]. Развивая эту мысль, изгнание демона и его карательные реинкарнации можно интерпретировать как рассказ о личном опыте только Эмпедокла — т.е. в поэте, а не во всех людях, перевоплощается божество.

История о воплощённом демоне касается не только в первую очередь самого Эмпедокла, но и в определённом смысле только Эмпедокла. Стихи демонологических фрагментов повествуют о личном опыте божества, который служит поэту для оправдания его роли как проводника для человечества. Самопровозглашённая божественность, по сути, призвана поставить Эмпедокла на более высокую ступень, чем простые, постоянно ошибающиеся смертные. В свете этих соображений было бы довольно странно, что данная история, которая призвана доказать исключительность фигуры Эмпедокла по отношению ко всему человеческому роду, перед которым он стоит как «бог-наставник», одновременно с этим служила обоснованием процесса палингенеза человеческой души и связанных с ним очистительных практик, адресованных, в идеале, всем людям.

Концепция «демонологии» у Эмпедокла, как я попытаюсь прояснить, может быть результатом недоразумения, возникшего под влиянием философии Платона на более поздних комментаторов и положившего начало непрерывной серии таких недоразумений.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-2800163, <http://rscf.ru/project/22-28-00163/>

Источники и литература

- 1) Bignone E. Empedocle. Studio critico, traduzione e commento delle testimonianze e dei frammenti. Torino, 1916, p. 279, 488.
- 2) Detienne M. La «Démonologie» d'Empédocle // Revue d'études grecques, 72. 1969. p. 1–17, p. 3.
- 3) Dodds E.R. The Greeks and the Irrational. Berkeley, 1951, p. 200.
- 4) Guthrie. W.K.C. A History of Greek Philosophy. Volume II. The Presocratic tradition from Parmenides to Democritus. Cambridge, 1965, p. 253.
- 5) Inwood B. The Poem of Empedocles. Toronto, 2001, p. 55–59.
- 6) Kerényi K. Pythagoras und Orpheus // Aufsätze zur Geschichte der Antike und des Christentums. Berlin, 1937, p. 16–49, p. 27.
- 7) Long H.S. A study of the doctrine of Metempsychosis in Greece from Pythagoras to Plato. Princeton, 1948. p. 157.

- 8) Rohde E. Psyche. London, 1925, p. 508, p. 510.
- 9) Trépanier S. Empedocles. An Interpretation. New York, 2004, p. 129.
- 10) Wilamowitz. Die *Καθαρμοί* des Empedokles // Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1929, p. 626–661, p. 659.